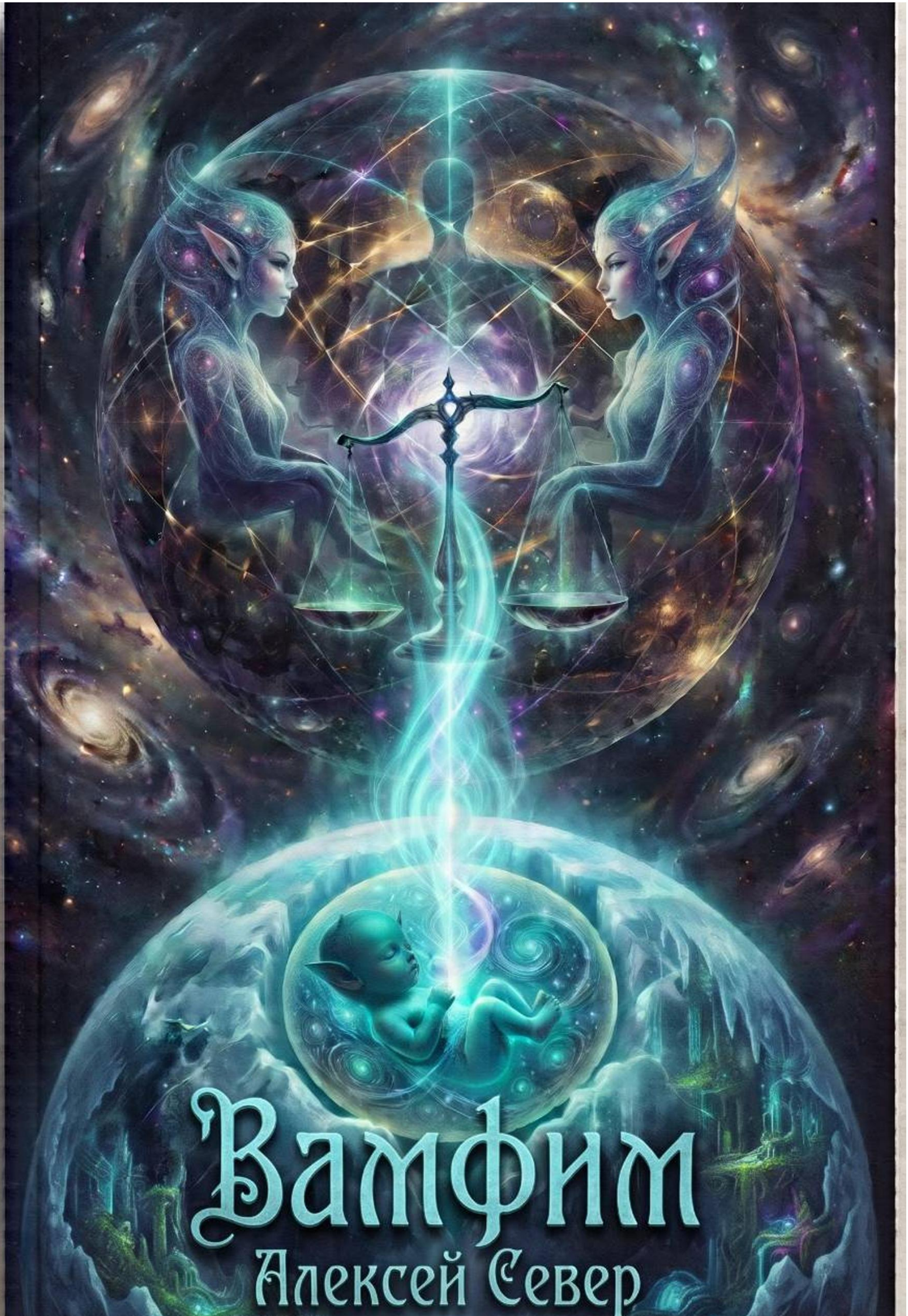
Вамфим
Алексей Север

Алексей Север

Вамфим

«Автор»
2026

Север А.

Вамфим / А. Север — «Автор», 2026

Где кончается привычный свет и замерзает время, начинается дорога тех, кто осмелился услышать эхо иных миров. На ледяной планете, согретой лишь верой и теплом планетарного ядра, юный мечтатель живет надеждой заглянуть за грань запечатанных звездных врат. Но когда древние стражники мультивселенной нарушают вековое молчание, а наставник открывает тайны уходящих эпох, становится ясно: за каждый шагом в неизведанное придется платить собственной судьбой. Космос хранит не только рассветы других цивилизаций, но и тени, от которых невозможно спрятаться.Готовы ли вы шагнуть туда, где рождается эхо всех миров?

© Север А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Пролог 6
Глава 1. Ледяная колыбель 7
Глава 2. Долгий сон Вамфима 12
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Алексей Север
Вамфим

От автора

Каждый мир, который я создаю на страницах книг — будь то сияющие био-лаборатории, холодные подземные каверны или бесконечные лабиринты мультивселенной, — всегда начинается с чего-то очень личного.

Мы все время от времени заглядываем за замерзшие стекла собственных окон, пытаясь разглядеть сквозь бури и туманы то, что лежит далеко за гранью повседневности. Эта история писалась не просто как фантастика. В ней — отражение долгих часов размышлений о времени, о хрупкости человеческой памяти, о том упорстве, с которым разум противостоит любому холоду, и о тех невидимых нитях, что связывают нас с огромным, непостижимым космосом.

За годы работы над книгой эти персонажи стали для меня больше, чем просто образами на бумаге. Они — мои поиски, мои сомнения и мои несгораемые искры.

Я приглашаю вас в это путешествие. Укутайтесь поудобнее, забудьте на время о привычной суете и прислушайтесь.

Слышите? Звезды начинают говорить!

— Алексей Север

Пролог

В нулевой точке мультивселенной время не течет — оно слушает.Там, где пересекаются невидимые нити бесчисленных сфер, нет ни холода, ни тепла, ни привычного пространства. Есть лишь Сфера Безмолвия — грандиозный дворец из чистой темной материи, где обитают Этерниды.

Беспристрастные стражи равновесия, сотканные из световой геометрии и застывших эпох, веками взирали на мерцание миров сквозь прозрачные стены из стекла и памяти.

Сегодня Весы Первородного Эха дрогнули.

В глубоких, затерянных во льдах кавернах далекого Вамфима родился мальчик. На его еще не окрепшей коже проступали тончайшие нити Резонанса, а в генетическом архиве пробудилась Звездная память. Он еще не знал своего имени, но его первый детский вздох уже отозвался звенящим резонансом по всем сферам мультивселенной.

Этерниды молчали, но в их безмолвном совете впервые за эоны промелькнула тень тревоги. Чаша весов качнулась. Тот, кому суждено переступить черту миров, уже сделал свой первый вдох.

Глава 1. Ледяная колыбель

Вамфим не баловал своих детей теплом. Когда эта своенравная планета уходила в самую глубокую, темную точку своей вытянутой, почти параболической орбиты, прячась за слепым, высушенным диском багрового карлика, мир за пределами подземных убежищ замирал.

Там, наверху, царила абсолютная, космическая тишина. Планета скрывалась под многокилометровым панцирем древнего льда, пересыпанного смерзшейся кремниевой пылью и метеоритным крошевом. Время там словно застыло, скованное морозом, достигающим абсолютного нуля.

Но жизнь не сдавалась. Глубже, под километрами каменной коры и кристаллических пород, в гигантских кавернах и био-террасах, пульсировал искусственный, но неугасимый пульс. Здесь кипела жизнь, согретая мощным теплом планетарного ядра и силой умов тех, кто отказался преклоняться перед холодом.

Аннунаки — древняя раса строителей миров, математиков и поэтов космического масштаба — обосновались на Вамфиме задолго до того, как их родные звездные системы начали угасать. Они превратили холодную кавернозную планету в колыбель разума. Их города не были нагромождением металла и бетона; они представляли собой симбиоз чистых технологий и живой, генно-модифицированной био-архитектуры. Стены коридоров дышали, впитывая углекислый газ и выделяя свежий, пахнущий озоном кислород. Они мерцали мягким янтарным, бирюзовым и лазурным светом, реагируя на эмоциональный фон проходящих мимо жителей.

В одной из таких лабораторий, где воздух был напоен ароматами стерильности, нагретого пластика и едва уловимой горной свежести, жила семья. Их имена эхом отзывались в академических кругах Вамфима, а страсть к тайнам космоса передалась младшему сыну с первыми же осознанными вздохами.

Его отца звали Тарон. На Вамфиме не было существа Аннунакского порядка — более авторитетного в вопросах гравитационной топологии. Тарон занимал пост ведущего планетолога и хроно-геометра планеты. Высокий, статный Аннунак с кожей глубокого, насыщенного ультрамаринового оттенка, он воплощал собой классическую, почти монументальную аристократичную стать своей расы.

Вдоль его шеи, уходя под воротник строгой академической туники, и по резким, благородным скулам проходили тончайшие бирюзовые «нити Резонанса». Эти био-люминесцентные линии, присущие лишь высшим кастам ученых-навигаторов, ярко вспыхивали пульсирующим неоновым светом, стоило Тарону погрузиться в расчеты сложнейших многомерных уравнений. Его иссиня-черные волосы были аккуратно, по-военному зачесаны назад, обнажая высокий лоб мыслителя и слегка заостренные уши. Но самыми поразительными были его глаза — глубокие, серебристые, отражающие не столько свет ламп, сколько мириады виртуальных галактик и туманностей, которые круглосуточно вращались в его поле зрения.

Дни Тарона проходили в святилище чистой мысли — лаборатории, окруженной парящими трехмерными моделями. Он не просто изучал планеты; он исследовал гравитационную арматуру вселенной. Используя портативные генераторы квантовых полей, Тарон часами выстраивал перед собой голографические карты мультивселенной. Он пытался разгадать древнюю загадку: как невидимые нити Темной Материи связывают их изолированный, затерянный во льдах Вамфим с другими, более теплыми и развитыми сферами бытия.

Для него математика была не языком цифр, а музыкой, звучащей в тишине космоса. И эту музыку он стремился донести до своего сына.

Мать Элара, Лирея, принадлежала к иной, но не менее важной касте хранителей жизни. Она была выдающимся биохимиком и специалистом по адаптивным экосистемам.

Изящная Аннуначка обладала кожей потрясающего, завораживающего оттенка морской волны. От ее висков к плечам спускалась сложная, филигранная вязь светящихся бирюзовых узоров, напоминающих морскую пену, застывшую под лучами далекой звезды. Ее длинные, струящиеся волосы глубокого синего цвета были собраны в сложный, архитектурный узел, в который были вплетены мелкие кристаллы-концентраторы. Эти кристаллы улавливали рассеянное био-излучение лаборатории и мягко искрились при каждом повороте ее головы. Черты лица Лиреи были тонкими и царственными, но строгость академического образа мгновенно таяла, стоило ей взглянуть на мир своими невероятно теплыми, ярко-лазурными глазами.

Если лаборатория Тарона пахла холодной сталью, квантовым вакуумом и математическим порядком, то вотчина Лиреи жила органическим, трепетным теплом. Ее рабочее пространство всегда пахло озоном, растертой горной мятой, влажной почвой и свежей талой водой. Лирея посвятила жизнь изучению кремниевой биологии. В условиях Вамфима, где углеродная жизнь требовала колоссальных затрат энергии на поддержание тепла, именно гибридные кремниево-органические структуры давали шанс на выживание.

Она исследовала удивительную способность живых клеток Аннунаков сохранять искру разума, сознания и памяти во время долгих, многовековых периодов космического анабиоза — того самого состояния, в котором их предки некогда пересекали межзвездные бездны, чтобы найти новый дом на ледяном Вамфиме.

«Техника дает форму, но только душа дает свет», — любила повторять Лирея, склоняясь над колбами, в которых зарождалась новая, устойчивая к суровым условиям форма жизни.

Для маленького Элара эти две противоположные, но гармонично дополняющие друг друга лаборатории были лучшим, самым волшебным местом во всей известной мультивселенной.

Сам мальчик уже в ранние годы удивительным образом сочетал в себе генетические и ментальные черты обоих родителей. Его кожа сияла чистейшим ультрамарином, на котором едва заметными, еще не появившимися до конца тонкими линиями проступали будущие нити Резонанса — знак того, что его разум создан для управления пространством. Серебристые, мягкие волосы водопадом ниспадали на плечи, а огромные, распахнутые настежь глаза цвета расплавленного серебра горели неподдельным, пронзительным, почти болезненным любопытством ко всему окружающему миру.

В глубине его существа скрывалось нечто большее, чем просто юношеский интерес: его биология хранила феномен Звездной памяти. Генетический архив Аннунаков бережно нес в себе не только отпечатки опыта родителей, но и глубинные воспоминания тех далеких предков, которые первыми пересекали холодную межзвездную пустоту. Когда Элар касался пульсирующих кристаллов в маминой лаборатории или вдумчиво вглядывался в сложные чертежи отца, его кожа начинала светиться мягким, живым пламенем — в нем пробуждалось смутное эхо пращуров, когда-то видевших настоящие, незамерзающие миры. По ночам же к нему приходили удивительные сны, где сквозь пелену закрытых глаз он ясно видел чужие, незнакомые рассветы, хотя сам никогда за всю свою жизнь не покидал ледяной колыбели Вамфима.

Его детство было вплетено в канву фантастических научных открытий. Еле дождавшись окончания обязательных уроков по базовой космологии и квантовой грамматике, Элар стремглав бежал по гулким, живым коридорам био-террасы. Его легкие шаги отзывались звонким, радостным эхом в мягких стенах живого тоннеля.

Он с размаху толкнул массивную, герметичную дверь отцовской лаборатории и замирал на самом пороге, затаив дыхание. Тарон редко сердился на сына за нарушенную тишину. Напротив, заметив мальчика, он мягко улыбался, позволяя ему прикоснуться к сокровенному.

Тарон подзывал Элара к голографическому столу и позволял крутить сферы. Маленький Элар запускал свои тонкие пальцы в сияющие, струящиеся потоки света, заставляя миниатюр-

ные галактики, туманности и планетарные системы кружиться по сложнейшим орбитам прямо у него на ладонях.

— Смотри, папа, эта сфера похожа на огромный стеклянный шар, внутри которого кто-то рассыпал светящийся бисер, — восторженно шептал маленький Элар, разглядывая модель прозрачных миров, где каждая песчинка света обозначала отдельную обитаемую реальность.

Тарон опускался на одно колено перед сыном, аккуратно опуская теплую руку на его серебристые волосы:

— Это не просто бисер, сынок. Каждая сфера — это отдельный закон физики, отдельный свод правил, отдельная история со своим началом и концом. А мы живем на самом краю этой великой, бесконечной сетки, словно искры, застрявшие в трещине мироздания. Но помни: даже искра

способна зажечь пожар, если попадет в правильное место.

После долгих часов у отца Элар срывался с места и бежал в противоположное крыло биотеррасы, к маме. Лирея встречала его запахом свежести и ласковой улыбкой. Она разрешала сыну надевать защитные микро очки и наблюдать за удивительными химическими реакциями, в которых жидкий кремний соединялся со светоносными ферментами. Мальчик часами сидел на высоком лабораторном стуле, не отрывая глаз от стеклянных колб, в которых на глазах распускались крошечные, кристаллические цветы. Они были живыми — они дышали в темноте, поглощая тусклый свет и излучая взамен мягкое, успокаивающее сияние.

Лирея научила его терпению. Она показывала, что настоящее творение не терпит спешки, будь то выращивание кремниевого цветка или воспитание собственной воли.

С самых ранних лет Элар бредил тем, что лежало далеко за пределами их вытянутой, холодной орбиты.

По вечерам, когда работа в лабораториях затихала и био-террасы погружались в режим ночного восстановления, мальчик поднимался на самый верхний ярус жилого комплекса. Там находился панорамный купол — гигантское окно в суровую вселенную. Элар прижимался лбом к холодному, бронированному кварцевому стеклу. Сквозь вечную пелену багровой пыли, несомой ураганными ветрами ледяной пустыни, вверху пробивались редкие, холодные звезды.

В этот момент происходило нечто неуловимое, рождающееся на стыке реальности и мистики — срабатывал эффект Зеркального Дыхания. Когда Элар прижимал свою ладонь к ледяному защитному стеклу купола, ему на секунду казалось, что он чувствует вовсе не мертвый космический мороз, а теплое, глубокое дыхание из самой нулевой точки мультивселенной, словно кто-то невидимый касался его из другого измерения. Ему чудилось, будто далёкие звезды вверху — вовсе не холодные светила, а бесчисленные живые глаза-зеркала, через которые за ним непрерывно наблюдают.

Каждый вечер он загадывал одно и то же заветное желание.

Элар искренне верил, что где-то там, в недосягаемой, головокружительной вышине, за мерным движением космических сфер наблюдают древние, беспристрастные сущности — Этерниды.

Среди обитателей прозрачных сфер ходит древняя космогоническая легенда о том, кто такие Этерниды на самом деле.

В начале не было сфер. Была лишь единая, слепая и безумная бесконечность, где хаос пожирал сам себя. Первые существа — те, кого мы зовем Этернидами, — были обычными смертниками из самой первой, давно угасшей вселенной. Они первыми дошли до края бытия, осознали тщетность бесконечной войны материи и духа и добровольно расплавили свои тела в котле первородного творения.

Они раскололи единую бесконечность на тысячи прозрачных сфер, чтобы жизнь получила стены, законы и шанс на спасение. Они пожертвовали своей индивидуальностью, став самой структурой пространства. Поэтому они судят беспристрастно

Рядом с Этернидами время замедляет свой бег, а любые споры между цивилизациями теряют свою яростную остроту, сталкиваясь с их невозмутимой вековой мудростью.

Этерниды не вмешиваются в эволюцию напрямую. Они не учат и не строят. Их главная задача — поддержание равновесия. Когда эмоциональные порывы обитателей сфер грозят нарушить космические константы, Этерниды охлаждают их пыл железным велением справедливости. Они смотрят на споры как старшие мудрые судьи смотрят на игру детей. Их слово — не просто закон, это сама гравитация вселенского порядка, без которой мультивселенная давно бы схлопнулась в хаос.

Мальчик мечтал, что когда он вырастет, Весы Первородного Эха качнутся в его пользу. Он верил, что Этерниды откроют перед ним запечатанные звездные врата, позволив отправиться в грандиозное путешествие по всем сферам мультивселенной. Он хотел увидеть другие цивилизации, иные земли, зеленые леса, которых никогда не видел Вамфим, и рассветы, окрашенные не в багровый, а в золотой и синий цвета.

Годы шли. Время на Вамфиме текло медленно, отмеренное оборотами планеты вокруг своего тусклого светила. Детские игры, голографические сферы на ладонях и наивные мечты о звездах постепенно сменились необходимостью постигать строгие формулы, высшую хроногеометрию и тяжелые, изнуряющие расчеты пространственных напряжений. Элар взрослел, его ум становился острее, а нити Резонанса на ультрамариновой коже начали проступать всё отчетливее, наливаясь силой.

И тогда в жизнь юноши вошел Орон.

Орон не был обычным академическим

преподавателем. Он принадлежал к древней, почти исчезнувшей касте хранителей межсферных знаний — тем немногим Аннунакам, которые помнили истинную, не искаженную веками историю миров и катастроф, приведших их народ на ледяной Вамфим.

Лицо Орона, иссеченное глубокими веками прожитых эпох, было сплошь покрыто сложными, ярко светящимися лазурными линиями. Это были не просто генетические узоры, а следы колоссального ментального напряжения и работы с высокоэнергетическими потоками времени. Одетый в строгие, тяжелые темные мантии с интегрированными защитными пластинами на плечах, соединенными тонкими оптоволоконными кабелями с портативными хроноартефактами, Орон производил впечатление Аннунака, который давно уже не живет в настоящем момента, а одновременно видит и прошлое, и вероятные исходы будущего.

Неотъемлемой частью его облика были Песочные часы Эпох — уникальный артефакт из нулевой точки мультивселенной, служивший символом его высокого статуса хранителя. Это была изящная каплевидная сфера, внутри которой вместо обычного песка непрерывно переливалась жидкая плазма и крошечные, мерцающие осколки разбитых реальностей. Когда Орон заводил разговор о грядущем и о судьбах миров, этот удивительный артефакт чутко реагировал на присутствие юного Элара, меняя свой спокойный лазурный свет на тревожный, глубокий багровый оттенок, словно предупреждая о надвигающейся буре.

Орон заметил Элара еще в годы его юношеских экспериментов в отцовской лаборатории. Старый наставник наблюдал за тем, как остро, практически на уровне инстинктов, юноша чувствует тончайшие вибрации космических струн. Увидев этот редкий дар, Орон взял юношу под свое личное покровительство.

Орон никогда не хвалил Элара за академические успехи. Он не поддавал похвале быстрый ум юноши или его способность играючи решать сложные уравнения. Вместо этого старый хранитель учил его смотреть многократно глубже цифр. Он учил видеть за холодными столбцами графиков и математических матриц живое, пульсирующее биение самого космоса.

Однажды ночью, когда они стояли на смотровой площадке глубокой каверны, наблюдая за тем, как планетарные двигатели поддерживают искусственное тепло био-террас, Орон повернулся к Элару. Его серебристые глаза светились мудростью веков.

Именно тогда Орон произнес слова, которые навсегда врезались в память юноши, став его главным ориентиром и тяжелым бременем:

— Мечта путешествовать по сферам — прекрасна, Элар. В ней горит чистый огонь юности. Но помни: чем дальше ты уходишь от света своего дома, от своих истоков, тем громче и настойчивее начинает звучать эхо чужих миров. Космос не пуст, и он не молчит. Готов ли ты услышать не только то, о чем мечтаешь, но и то, что другие так тщательно пытаются скрыть?

Тогда молодой Элар лишь уверенно и дерзко кивнул в ответ, опьяненный собственными силами и жаждой приключений. Он еще не подозревал, скольких жертв потребует это знание, и к какому опасному, пограничному между жизнью и забвением путешествию исподволь готовила его сама судьба.

Глава 2. Долгий сон Вамфима

Звезда по имени Рем казалась неподвижным, ровным золотистым диском, погруженным в мягкую дымку межзвездной пыли. Вамфим не знал знойного, испепеляющего жара, но его климат был по-своему гармоничен. Эта планета двигалась по сложнейшей, вытянутой эллиптической орбите, годами собирая энергию космических потоков для великих научных прорывов и исследований.

Пока большая часть прозрачных сфер купалась в бурном развитии, ультимативной энергии и миграциях звездных потоков, Вамфим временами погружался в режим глубокого научного анабиоза. Десятки лет спокойного, безмолвного накопления сил сковывали его долины и кремниевые леса, сменяясь периодами активного созидания. В те вдохновляющие годы планета стремительно проходила перигелий, жадно впитывая живительное сияние светила и пробуждая спящие под земной корой био-города Аннунаков.

В одной из глубоких био-террас северного полушария, укрытой под километровыми слоями скальной породы и пористого кремния, царила вдохновляющая тишина. Ее нарушал лишь мерный, утробный гул подземных геотермальных генераторов, качающих энергию из тепла планетарного ядра. Здесь, у массивного пульта, выращенного из единого светоносного кристалла, сидел молодой ученый. Его звали Элар. Его высокий, гибкий силуэт был облачен в полупрозрачный исследовательский комбинезон, едва заметно мерцающий в такт его внутреннему пульсу — неотъемлемая черта Аннунаков, чья биология была накрепко вплетена в тонкое энергетическое поле родного мира. Волосы Элара напоминали переплетение серебряных волокон, а в глубоких, сосредоточенных глазах отражались бесконечные каскады бегущих строк телеметрических и гравитационных графиков.

Элар не смыкал глаз уже третий цикл. Его специализацией была астрометрия, квантовая картография и поиск новых космических горизонтов. В отличие от большинства сородичей, которые предпочитали размеренный ритм жизни, Элар обладал неукротимой страстью к первооткрывательству и горел идеей расширения границ обитаемого пространства Аннунаков.

Последние лунные циклы дальнобойные сканеры фиксировали в дальнем секторе неизвещенной системы удивительную, чистую аномалию. Нити гравитационного резонанса указывали на скрытый в тени газового гиганта мир, обладающий уникальной структурой.

Пальцы Элара скользнули по живой сенсорной мембране, и перед ним развернулась трехмерная голографическая модель звездной системы. Рядом с привычными орбитами отчетливо проступила новая, прекрасная планета — идеальный кандидат для масштабного научного проекта.

— Что ты пытаешься разглядеть в этих массивах данных, Элар? — раздался из тени мягкий, но глубокий голос.

Элар обернулся. Из-за колонны, обвитой светящимися лианами, вышел наставник Орон. Его лицо было испещрено тонкими, едва мерцающими световыми линиями — следами прожитых веков и глубокой мудрости. Аннунаки накапливали чистый свет внутри своей памяти, передавая опыт молодым поколениям.

— Посмотри сюда, учитель, — Элар с воодушевлением указал пальцем на сияющую голограмму. — Я нашел ее. Новая планета на дальней орбите. Я хочу назвать ее Фаетон.

Орон приблизился, скрестив руки на груди. Светящиеся линии на его лице мягко изогнулись в улыбке.

— Фаетон... Имя звучит гордо, Элар. Но что

скрывает этот далекий мир? Очередной безжизненный кусок камня и льда?

— Ничуть, — возразил молодой ученый, выводя на экран детальный спектральный анализ поверхности. — Спектроскопия показывает колоссальные залежи чистейших энергетиче-

ских кристаллов редкой структуры. Их потенциал превосходит все известные нам источники энергии.

Если мы освоим этот мир, это станет технологическим прорывом для всей нашей цивилизации!

Орон с интересом наклонился к консоли, изучая безупречные математические расчеты и карты поверхности.

— Добыча ресурсов на таком расстоянии потребует создания автономных куполов, систем терраформирования и новой логистики, — задумчиво произнес наставник. — Задача грандиозная. Никакой спешки здесь быть не должно.

— Я и не собираюсь спешить, учитель, — глаза Элара горели созидательным огнем. — Я уже просчитываю проект комплексного изучения планеты. Никаких рисков — только точная наука, поэтапная подготовка и разработка безопасных способов заселения Фаетона. Нам нужны эти кристаллы, чтобы вывести технологии Аннунаков на совершенно новый уровень.

Орон одобрительно положил теплую руку на плечо Элара.

— Великие свершения всегда начинаются с мечты одного Аннунака, одержимого жаждой познания, — мягко произнес наставник. — Если твой расчет верен, а подход будет продуманным до мелочей, Совет поддержит твою экспедицию. Дерзай, первооткрыватель. Фаетон ждет своего часа.

Элар улыбнулся в ответ, чувствуя, как энергия переполняет его. На мониторах перед ним сияла новая цель, открывающая перед Аннунаками блестящее будущее, полное открытий и великих созидательных побед.

Следующие несколько циклов слились для Элара в единый непрерывный поток творчества и строгой математической мысли. Проект заселения Фаетона требовал безупречной точности: малейшая погрешность в расчетах гравитационных коридоров или прочности защитных куполов могла поставить под угрозу всю миссию.

В просторной мастерской загородной био-террасы, где стены мерцали мягким перламутровым светом, кипела работа. Над голографическими проекциями склонились трое: сам Элар и его родители — отец Тарон и мать Лирея.

Тарон, ветеран глубинного бурения и один из самых уважаемых инженеров Вамфима, скрестил руки на груди, изучая структурную карту коры Фаетона. Его лицо, исчерченное глубокими светящимися бороздами опыта, выражало сдержанное одобрение.

— Плотность кремниевых пород на глубине трех километров идеальна для монтажа геотермальных станций, — произнес Тарон низким, ровным голосом. — Твои расчеты по защите от перепадов температур точны, сын. Но энергоустановки потребуют усиленных стабилизаторов. Без них кристаллы чистой энергии при первой же выемке дадут микротрещины.

Лирея, чей дар тонкой настройки био-полей позволял ей чувствовать гармонию экосистем, мягко коснулась пальцами светящейся матрицы планеты. Вокруг ее руки распустился узор из сияющих искр.

— Экосфера Фаетона находится в первозданном, спящем состоянии, — добавила Лирея, ласково глядя на сына. — Если мы начнем колонизацию, био-купола должны не просто изолировать нас, а слиться с планетарным ритмом. Нельзя ломать этот мир — нужно войти с ним в резонанс. Твой проект учитывает это, Элар. Я горжусь тем, с каким уважением ты подходишь к новому дому.

Элар почувствовал, как волна тепла разлилась по груди. Поддержка родителей значила для него больше, чем любые официальные регалии.

— Спасибо, мама, отец, — кивнул он. — Я заложил в основу протокола именно симбиоз технологий и природы. Фаетон даст нам не просто сырье, он станет мостом к новой ступени эволюции.

В этот момент в проеме арки появился наставник Орон. Его шаги были бесшумными, а взгляд — сосредоточенным.

— Ваши чертежи и выкладки прошли предварительный аудит в исследовательском центре, — сообщил Орон, слегка улыбаясь. — Совет Этернидов запросил исчерпывающий пакет данных.

Они готовы выслушать твою презентацию, Элар. Но Совет консервативен: им нужны не просто красивые цифры, а железные гарантии безопасности и абсолютной стабильности.

Тарон твердо положил тяжелую ладонь на плечо сына:

— Мы поможем тебе доработать логистику доставки первых модулей. Ни одна деталь не должна вызывать вопросов у старейшин.

— А я подготовлю резонансные маяки, которые убедят Совет в экологической чистоте метода, — поддержала мужа Лирея.

Орон с уважением посмотрел на семью и обратился к Элару:

— Завтра в зените звезды Рем открывается заседание Совета Этернидов в Большом Куполе Света. Я лично представлю тебя старейшинам и поддержу твое ходатайство. Готовься, Элар. Твой Фаетон совсем скоро станет частью великой истории Аннунаков.

Дорога к сердцу мультивселенной лежала через нулевую точку — пространство, где стирались привычные границы измерений. Элар прибыл на заседание на легком исследовательском челноке, чьи двигатели были настроены на тончайший межсферный резонанс. Когда корабль пересек черту нулевой точки, материальный мир растворился.

Перед глазами молодого ученого возникла Сфера Безмолвия — грандиозный дворец из чистой темной материи и сплетенного света, подвешенный в абсолютной пустоте между мирами. Сквозь его прозрачные стены открывалось завораживающее зрелище: миллиарды живых нитей, каскады рождающихся и угасающих звездных сфер переливались в безмолвном танце вечности. Сама ткань пространства здесь словно застыла, наполняя душу трепетом и кристальной ясностью.

Когда Элар ступил на сверкающий пол центрального зала, время вокруг него замедлило свой бег. Воздух был плотным от невыразимого покоя — такого тихого и глубокого, какое бывает лишь в самом эпицентре космического шторма.

На возвышении из застывшего времени восседали Этерниды. Они лежали за пределами самого понятия формы, являясь самой тканью пространства и времени — древнейшие сущности мультивселенной, чье существование началось еще до того, как зажглись первые звезды. У них не было фиксированных тел: перед Эларом переливались величественные силуэты, сотканные из сплетенных нитей далеких туманностей и невозможных для обычного зрения цветов. От них исходила аура абсолютной, непреложной мудрости. Рядом с ними любые амбиции цивилизаций казались мимолетными искрами, а разум погружался в состояние безупречного баланса.

Рядом с Эларом из светового потока материализовался наставник Орон. Он почтительно склонил голову перед Советом, передавая право слова своему воспитаннику.

Элар сделал шаг вперед. Его высокий силуэт в полупрозрачном комбинезоне не дрогнул. Он дышал в унисон с резонансом зала, чувствуя, как его собственные мысли сливаются с вселенским порядком. Его выступление было лишено суеты и громких лозунгов — оно звучало гармонично и чисто, подобно звуку идеальной струны.

— О мудрейшие хранители равновесия, — начал Элар, и его голос мягко отразился от темных стен дворца. — Я пришел не за тем, чтобы нарушить гармонию сфер, а чтобы расширить созидательный потенциал нашего мира. На дальней орбите системы нами была обнаружена планета, которую я назвал Фаетон. Этот мир не несет в себе хаоса. Он хранит в своих недрах чистейшую матрицу кристаллической энергии, способную поднять технологии Аннунаков на новую ступень эволюции. Мы не собираемся покорять или ломать Фаетон. Наш проект

— это симбиоз: создание автономных био-куполов, которые станут частью природного ритма планеты, сохраняя ее баланс и открывая эру чистой энергии.

В зале повигла тишина. Этерниды молчали, но их присутствие заполнило сознание Элара потоком безмолвных, всеобъемлющих вопросов. Это были не слова, а чистые ментальные импульсы, пронзающие саму суть его расчетов.

«Какова цена этого шага для хрупкой экосистемы зарождающегося мира?» — прозвучал в тишине голос, казавшийся эхом рождения первых галактик.

Элар ответил мгновенно, не испытывая ни тени страха, опираясь на выкладки матери Лиреи и отца Тарона:

— Цена просчитана до единой десятой доли процента. Добыча будет вестись через замкнутые геотермальные контуры без выброса энтропии. Экосфера Фаетона останется нетронутой в своей основе, а избыток энергии пойдет на гармонизацию гравитационных полей всего сектора. Мы берем ровно столько, сколько планета готова отдать в дар без ущерба для своего развития.

Следующий импульс Этернидов коснулся самой структуры времени:

«Вы ищете силу, которая меняет порядок. Готов ли ваш разум выдержать скачок к новым технологиям, не породив гордыню разрушения?»

Элар спокойно выдержал этот взгляд, в котором отражались миллиарды лет космической эволюции.

— Технологии — это лишь инструмент, — ответил молодой ученый. — Истинная эволюция измеряется не мощностью генераторов, а ответственностью тех, кто ими управляет. Мы изучили уроки прошлого. Фаетон станет для нас не источником власти над другими, а школой созидания, где каждый кристалл послужит мостом к познанию законов Вселенной.

Наступила долгая, величественная пауза. Этерниды, чье слово было самой гравитацией вселенского порядка, оценивали чистоту помыслов молодого Аннунака. Для них этот спор был похож на движение звезд — ясный, предсказуемый и прекрасный в своей закономерности.

Наконец, переливы туманностей в силуэтах Этернидов мягко смягчили свои невозможные цвета.

Ощущение всеобъемлющего одобрения разлилось по Сфере Безмолвия.

«Твой разум чист, Элар с Вамфима, а расчеты безупречны, — прозвучал в сознании единый глас Совета. — Равновесие не нарушено. Идите и созидайте».

Пространство вокруг слегка качнулось, возвращая привычный ритм времени. Орон с гордой улыбкой положил руку на плечо Элара: Совет Этернидов вынес свое решение. Путь к Фаетону был открыт.

Дорога домой лежала через дальние сектора рукава Галактики. Получив благословение Совета Этернидов, Элар и Орон возвращались на Вамфим на своем исследовательском челноке. Их путь пролегал как раз мимо только что открытого Фаетона: они решили сделать плавную дугу вокруг него, чтобы вблизи полюбоваться прекрасными очертаниями будущей вотчины Аннунаков.

Фаетон встретил их величественным сиянием ледяных колец и спокойным матовым блеском кремниевых равнин. Судна мягко скользило в его орбитальной тени. Элар с затаенным дыханием всматривался в голографические экраны сканеров, фиксируя идеальные залежи будущих кристаллов и намечая точки для будущих био-куполов. Планета словно ждала их, излучая тихий, первозданный потенциал.

Но когда челнок лег на курс к родной системе Вамфима, навигационные датчики зафиксировали в одной из соседней звездных систем живописную голубую точку, укутанную плотным одеялом облаков и синевой океанов.

— Смотри, Орон, — Элар указал на мерцающий бирюзовый шар, проплывающий слева по курсу. — Мы случайно отклонились от прямого вектора. Что это за мир? Атмосферный индекс здесь нестабилен, а магнитное поле полно хаотичных радиоволн.

Орон подошел к панорамному экрану.

Светящиеся линии на его лице чуть смягчились, а в глазах отразился мягкий свет далекой звездной системы. Он протянул руку и легким касанием активировал исторические архивы межзвездных картографов.

— Это Земля, Элар, — спокойно произвел наставник, вглядываясь в живописные континенты

планеты. — Один из самых молодых и удивительных уголков этого сектора космоса.

Элар с любопытством перевел взгляд с приборов на планету. На мониторах проступали контуры материков, ночные огни городов, похожие на рассыпанные искры костра, и слабый спектр примитивных радиоизлучений.

— Земля? — переспросил молодой ученый. — Судя по спектрограмме, их цивилизация находится на ранней ступени технологического развития. Они еще не вышли за пределы своей системы, используют грубые источники энергии на основе сжигания органики и едва научились запускать простейшие металлические аппараты в ближний космос. Разве такие миры представляют исследовательский интерес для Аннунаков?

Орон легко улыбнулся, складывая руки на груди.

— Не всё измеряется масштабом технологий, мой друг, — мягко ответил наставник. — Посмотри на них без высокомерия формул. Да, они молоды, уязвимы и совершают множество ошибок. Их общество раздирают противоречия, а их наука — лишь робкие шаги слепого котенка в огромной вселенной. Но в этом их главная сила и их невероятная красота.

Элар задумчиво молчал, слушая мерный гул двигателей челнока.

— Они обладают тем, что мы, погруженные в вековые расчеты и гармонию чистой энергии, порой забываем, — продолжил Орон, глядя на сияющий в темноте космоса голубой шар. — Это неукротимая искра жизни, страсть к познанию через падения и взлеты, способность чувствовать боль и радость с абсолютной, первозданной остротой. У них все впереди: великие открытия, горькие разочарования, преодоление собственных границ и неизбежный выход к звездам.

Наставник положил руку на плечо Элара, возвращая его внимание к приборам.

— Запомни этот мир, Элар. Когда мы начнем осваивать Фаетон, мы должны помнить о таких мирах. Настоящая эволюция — это не просто добыча кристаллов или создание безупречных машин. Это путь созидания жизни, которая учится думать, чувствовать и мечтать. Земляне идут своей дорогой, и наблюдать за их взрослением — великое чудо.

Элар кивнул, чувствуя глубокий смысл в словах наставника. Образ хрупкой голубой планеты надолго отпечатался в его памяти, гармонично дополняя грандиозный замысел освоения Фаетона. Впереди лежала работа, полная созидания, а где-то рядом звездный океан продолжал свою бесконечную песню рождения новых миров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.